

Художественный руководитель театра «Сатирикон»

Константин Райкин:

«Я буду первым, кто решил приватизироваться»

Константин Райкин заявил в Петербурге, где сейчас выступает с гастролью его театр, о намерении приватизировать «Сатирикон» и сделать его частным репертуарным театром. Если это произойдет, в новейшей российской истории появится первая театральная труппа, добровольно отказавшаяся от бюджетного пайка и ушедшая из-под государственного крыла. Решение Райкина можно считать также и первой ответной реакцией на предстоящую реформу учреждений культуры. О том, почему он решил это сделать, художественный руководитель «Сатирикона» Константин Райкин рассказал корреспонденту «Известий» Ирине Начаровой.

«Власти делают вид, что с нами договорились»

Константин Райкин: Я за это уже несколько лет борюсь, но у меня пока ничего не получилось. Не понимаю, честно говоря, почему какой-нибудь военный, нефтеперерабатывающий завод, вообще объекты промышленности приватизировать можно, а театр нельзя. Считаю, что такой путь должен быть. Не думаю, что все сразу в это ринутся. Большинство предпочтет нормально развиваться под крылом государства. Но мне, с моей исторически сложившейся и существующей структурой театра, такой вариант представляется самым оптимальным, а на сегодняшний день — вообще единственно возможным способом существования. То, что предлагает грядущая реформа, — вещи крайне непродуманные. Они могут иметь худшие последствия, нежели история с монетизацией. Это будет удар более глубинного и долго действующего свойства — по отношению вообще ко всей культуре. Мне кажется, это сделано людьми, которым просто не важно — что происходит с культурой. Они, наверное, опалены желанием как-то понравиться президенту с его призывом к удвоению ВВП. И они, как им кажется, придумали способ. Я очень серьезно это изучал. Не потому, что я такой любитель изучать всякие правительственные постановления, а просто потому, что это касается конкретно моего театра, моего детища. И вообще, у меня интересы, я бы сказал, узкоэгоистические. Мне не все равно, как будут развиваться и мои коллеги. И я не знаю ни одного специалиста театра, который бы сказал, что это будет хорошо. Ни одного.

Известия: Но власти все же идут на диалог с театральными деятелями?

Райкин: От нас отпикиваются, отмахиваются, делают вид, что с нами договорились. Я абсолютно не верю людям, которые нас пытаются успокоить. Эти формы неприемлемы вообще для театра. Да, нам обещают, что их пересмотрят. Но пересмотрят косметически, а там нужны принципиальные изменения. Значит, все равно все будет разрушительным и губительным. Никто из социальной сферы не говорит об этом хорошо — ни Пиотровский, ни Антонова, ни доктор Рощаль. И не потому, что мы такие консерваторы. Да, я, наоборот, бросаюсь в неизведанное. То, что я хочу приватизироваться, — нехоженый для учреждений культуры путь. Я буду первым. Это жутко рискованно.

«У меня есть люди, которые любят наш театр. Люди богатые, которые могут дать деньги на приватизацию»

Известия: А как театр будет выживать?

Райкин: Лучше, чем имея дело с государством. Я хотя бы не буду иметь дело с людьми равнодушными. Буду понимать, что у

меня есть либо враги, либо друзья. А среди чиновников от культуры встречаются люди талантливые, сердечные, заинтересованные, но больше равнодушных. Мне надоело зависеть от людей, которым на все наплевать. Им не безразлична только личная карьера. Конечно, я рискую очень сильно, потому что государство у нас вообще обращает мало внимания на частную собственность. Если оно под своим крылом объекты культуры не защищает, то тут ты оказываешься зависимым от самого себя. У меня есть люди, которые меня любят, которые любят наш театр. Люди богатые, которые могут дать деньги на приватизацию.

Известия: Но ведь объекты культуры не подлежат приватизации?

Райкин: Это с одной стороны. А с другой, существует масса оговорок, лазеек. Наши законы столь несовершенны, что это сделать можно. На самом деле при доброй воле сверху я уже несколько раз почти добивался, почти доходил до окончательного

«Я знал давно, что реформа готовится. Это делалось, между прочим, втайне от театральной общественности. Нас, каким-то образом узнавших об этом, просили никому ничего не говорить»

решения. Более того, и президент меня поддерживает. Просто, когда сменилось правительство, мне пришлось заново делать подготовительную работу.

Известия: В какой стадии вы сейчас находитесь?

Райкин: В стадии ожидания встречи с людьми из высших эшелонов власти, которые мне помогут это сделать. Я и раньше с ними встречался — все равно это зависит от конкретных решений конкретных людей. Чиновники делают то, что им прикажут. Я консультировался с большим количеством юристов, это не какое-нибудь блатное дело. Но просто первое, новое и потому пугает многих. Я же предлагаю вполне возможную форму перехода к приватизации, только нужно немного гибкости и живости мышления. Все равно это бу-

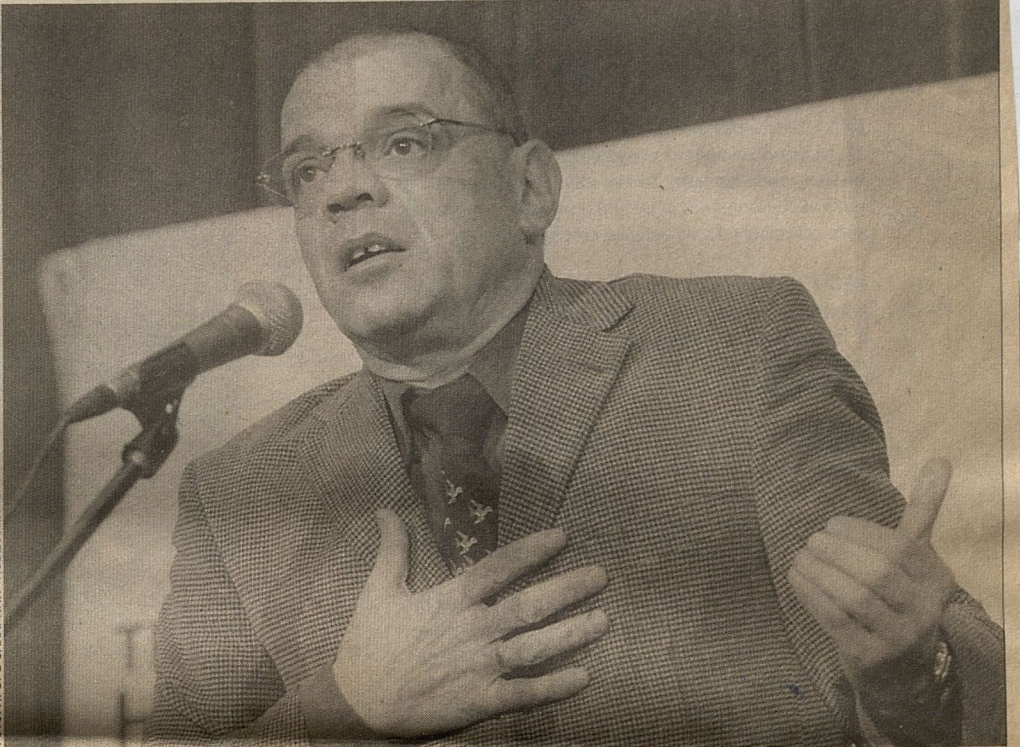

ФОТО: ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

дет не антрепризный, а частный репертуарный театр с постоянной труппой. Собственно, ничего художественно иного я не собираюсь делать.

Известия: А билеты не станут слишком дорогими?

Райкин: При драматическом репертуаре мне же невыгодно продавать билеты по нереальной цене. У меня не антрепризный театр, где «звезда с звездой говорит». Буду завлекать зрителя, как и раньше, качеством. То есть билеты не могут быть принципиально дороже, чем сейчас.

Известия: Значит, зритель ничего и не почувствует в связи с приватизацией театра?

Райкин: Он почувствует что-то, если мы закроемся. А вот если мы останемся в бюджете, мы не сможем выжить. Бюджет дает нам 20—30 процентов того, что надо. Но они даже не знают про это. За нами закреплена какая-то цифра, они так по-буквеедски и хотят соблюдать ее, а остальное теперь будут забирать.

«Мой спектакль стоит не меньше 150 тысяч долларов, а таких цифр в бюджете нет вообще»

Известия: Вам противна такая схема?

Райкин: Не противна — она губительна, я просто не смогу существовать. Не смогу платить артистам нормальную зарплату. Не смогу выпустить ни одного спектакля, потому что мой спектакль на большой сцене стоит никак не меньше 150 тысяч долларов, а таких цифр нет в бюджете вообще. Они дают, допустим, 250 тысяч рублей и говорят: это тебе на год вообще на все. А что я буду делать? Я не смогу играть спектакль на коврике, на пустой, пыльной, грязной сцене. От меня уйдут артисты, которых годами собирал. Впереди — полная темь, если не смогу уйти от государства. Государство, надо сказать, недостойно самого себя относится к культуре.

Известия: Вы стали прорабатывать вариант приватизации еще до угрозы реформ?

Райкин: Как раз когда началась угроза. Я знал давно, что это готовится. Это делалось, между прочим, втайне от театральной общественности. Нас, каким-то образом узнавших об этом, просили никому ничего не говорить. Именно потому, что кто-то понимает, что это несет разрушительные последствия.

Известия: Если все получится и вы станете первым в России «разгосударственным» театром, вашему примеру последуют другие?

Райкин: Надеюсь, что, если стану первым, кто-то еще за мной пойдет. Это совершенно не универсальный путь, большинство просто боится этого как огня. Если я стал негосударственным, это же не значит, что перестал быть членом государства. Если собственность стала моей, это же не значит, что я вне закона, и теперь меня бей кто хочет. Конечно, я бы тоже хотел остаться при государстве, но умном, которое относится к культуре нормально. Тогда бы и никакого разговора о приватизации не

было. Если бы мне оставили ту самостоятельность, о которой все трубили и с которой наш театр так преуспел. Но сейчас получается абсолютное раскулачивание, лучшие как раз и пострадают.

Известия: Вам дадут деньги на то, чтобы выкупить здание театра. Какова цена вопроса?

Райкин: Она известна, но я бы не стал об этом говорить. И она не столь велика, все можно хоть завтра сделать. Но о сроках пока говорить не приходится — это зависит от многих обстоятельств.

Известия: Поддержка президента может ускорить процесс приватизации театра?

Райкин: Если бы представилась ситуация, я бы просто попросил у него другой формулировки, сопровождающей мои документы. Той, которой он сопровождал их, прежнему правительству вполне хватало. А новому нужны более внятные свидетельства поддержки. Может быть, более категоричная формулировка типа «Прошу решить положительно».

ЧИТАЙТЕ ЗАВТРА В «ИЗВЕСТИЯХ»

Помощник министра культуры Берлина по делам театра Роланд Эггерс рассказывает «Известиям», как «Берлинер Ансамбль» стал частным театром и о принципах организации театрального дела в Германии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

Райкин Константин

9.03.05